

18+

ВЛАДИМИР ТОРМЫШОВ

Вампир по имени Таня

Владимир Тормышов

Вампир по имени Таня

«Издательские решения»

Тормышов В.

Вампир по имени Таня / В. Тормышов — «Издательские решения»,

Вампир Таня из Двуречек. Хаски Ленин и инопланетяне, прилетающие за самогоном. Космос плачет от счастья и пьет. Сельская жизнь нежити — это вам не осиновый кол забивать!

Содержание

Вампир по имени Таня	6
Эпидемия, бубоны и недоразумение: история болезни Тани	7
Марфуша	9
Домовой	13
Ходячая нежить	14
Кусок вечности	18
Бродница	20
Таня и её экзистенциальный укус	27
Демонеев, Сельсовет и клыки	29
Таня и Лена. Хроники Двуречек	32
Вампир Таня и её вечная депрессия	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Вампир по имени Таня

Владимир Тормышов

© Владимир Тормышов, 2026

ISBN 978-5-0070-6868-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вампир по имени Таня

Эпидемия, бубоны и недоразумение: история болезни Тани

Вампиризм — это не всегда про летучих мышей, готические замки и томных дев в кружевах. Иногда это просто досадное стечение обстоятельств и врачебная ошибка двухвековой давности. Таня из Двуречек знает об этом как никто другой.

Дело было в 1812 году. Таня точно помнит дату, потому что в тот день звучал очень грустный романс, поскольку Наполеон вторгся в Россию.

А может и раньше. Тут все зависело от настроения вампира, и ее памяти.

А память, штука ненадежная, особенно у вампиров.

Таня тогда ещё была обычной барышней, румяной, с косой до пояса и страстью к вышиванию крестиком пейзажей. Жила она всё в том же деревянном доме, только крыша у него тогда не так сильно текла, а мыши были наглее.

И вот однажды Таня почувствовала себя неважно. Сначала пропал аппетит. Это для обычной девушки — беда, а для будущей вампириши — первый звоночек. Потом начался жар. Температура поднялась такая, что вода в самоваре рядом с ней казалась ледяной.

На третий день Таня перестала выходить из светёлки. Она лежала под горой пуховых одеял, смотрела в потолок и думала о вечном.

А именно о том, почему её кот Васька смотрит на неё с таким гастрономическим интересом. Обычно он предпочитал сметану.

К вечеру третьего дня пришёл фельдшер Евсей. Был он мужик суровый, малограмотный, но с ланцетом. Фельдшер вошёл, снял шапку, потрогал Танин лоб шершавой ладонью и авторитетно заявил:

— Ну всё, матушка. Приплыли.

— Чего это? — прошептала Таня слабым голосом.

— Чума! — радостно объявил Евсей. — Бубонная!

— Как чума?! — испугалась Таня. — У меня даже бубонов нету!

— Будут! — заверил фельдшер. — Всё по науке. Жар есть? Есть. Слабость есть? Есть. Значит, чума. Сейчас будем лечить.

Евсей достал свой знаменитый ланцет. Инструмент этот выглядел так, будто им вскрывали консервы ещё во времена татаро-монгольского ига.

— Кровопускание! — провозгласил доктор. — Лучшее средство от дурной крови. И от хорошей тоже помогает.

Таня хотела возразить, сказать, что ей и так плохо, куда уж кровь пускать, но язык её не слушался. Евсей ловко перехватил её руку, прицелился и...

Вот тут-то и случилось главное недоразумение. Когда острое лезвие коснулось кожи, Таню охватило странное чувство.

Вместо того чтобы упасть в обморок от потери красной жидкости, она ощутила небывалый прилив сил. Глаза сами собой распахнулись, клыки, о существовании которых она раньше и не подозревала, удлиннились, а мир вдруг стал чёрно-белым с яркими красными пятнами.

Последнее, что увидел фельдшер Евсей перед тем, как его кадык встретился с Таниной челюстью, был её совершенно дикий, нечеловеческий оскал.

— Ты чего творишь, окаянная?! — только и успел пискнуть он.

— Извини, Евсей, — прохрипела Таня, вытирая рот рукавом ночной рубашки. — Рефлекс сработал. Я теперь, кажется, эта... как её... упырица.

Фельдшер лежал на полу и икал. Он был жив, но морально уничтожен.

— Так значит... не чума была?

— Да какая чума! — фыркнула Таня, чувствуя, как слабость сменяется зверским голодом. — Просто я... трансформируюсь. Наверное.

Она встала с кровати. Голова больше не болела. Наоборот, тело переполняла лёгкость и желание кого-нибудь догнать.

— Ладно, — сказала Таня, перешагивая через тело фельдшера. — Пойду я. Раз уж я теперь бессмертная нежить, надо соответствовать. Может, козу Глашку навещу... или Марию Петровну. Хотя нет, Петровна сама кого угодно съест, мне с моей новой диетой такое не переварить.

С тех пор прошло двести лет. Таня давно поняла свою природу. Но каждый раз, когда деревенский врач пытается поставить ей диагноз «нервное истощение» или «авитаминоз», она лишь загадочно улыбается.

Ведь самое смешное в этой истории то, что если бы не самоотверженный, но криворукий фельдшер Евсей со своим ланцетом, Таня так бы и осталась простой сельской девушкой с температурой 37,2.

А так у неё есть клыки, деревянный дом в Двуречках и отличная отмазка на все случаи жизни.

— Почему ты не спишь днём?

— У меня хроническая чума. Вялотекущая. Евсей диагностировал.

Марфуша

В Двуречках, что раскинулись по-над рекой, испокон веку жили крепко и основательно. Не то чтобы богато — какая уж тут в начале 20 века сытость, — но с достоинством. Избы рубили из кондовой лиственницы, чтоб на три поколения хватило, скотину держали исправно, а к чужому интересу относились с той же въедливостью, с какой старый пасечник проверяет соты перед зимовкой.

И вот стряслась там история, о которой до сих пор шепчутся старухи у колодца, да так тихо, будто боятся накликать беду на свои огороды. Была в деревне девица, Марфуша. Глаза синие, коса русая — загляденье.

И полюбился ей парень из соседнего околотка, Гришка-мельников сын. Дело молодое, горячее. Сговорились они тайком, под ивами плакучими, где туман над водой стелется. А как пришла пора ответ держать, Гришка струхнул. То ли отец его застрашал, то ли сам опомнился, только пошел он не к попу венчаться, а напрямик на деревенскую сходку. Встал посреди улицы, красный весь, и во всеуслышание объявил: мол, гуляла Марфушка со мной, а теперь чести лишилась, и до меня была порченная она.

Деревня — это ведь единый организм. Тут слово сказано — оно уже не воробей, а целая сорока, что на всю округу трещит. Опозорил он её страшно. На следующий день нашли Марфушино тело в омуте за старой мельницей. Волосы распущены, лицо спокойное, словно уснула. Хоронили её ночью, без лишнего шума. Поп бормотал себе под нос, мужики гроб опускали хмуро, а бабы крестились мелко, отводя глаза от свежей земли.

Прошло недели две. И началось странное. Пошел обычай у баб класть живые цветы на могилы почивших родичов — герань, бархатцы. Так вот, стали замечать, что поутру цветов нет. Ни тех, что в горшках принесены, ни тех, что сами из земли пробиваются сквозь дерн. Как корова языком слизала. Сначала думали — мальчишки озоруют или собаки бродячие. Но когда пропадать стало всё подчистую, даже полынь, что меж плит проросла, решили двое мужиков — кузнец Прохор да конюх Игнат — дознаться правды.

Сказано — сделано. Ночью, ближе к полуночи, схоронились они за старым склепом купца Еропкина. Сидят, сигарки смолят, тишину слушают. Луна полная, светлая, кладбище серебром залито, кресты черными тенями лежат. Тишина такая, что собственное дыхание кажется громким, как работа мехов в кузне.

Вдруг слышат — шорох. Тихий-тихий, словно шелест платья по траве. Выглянули осторожно из-за угла. И обмерли оба.

Стоит у свежесыпанной Марфушкиной могилы фигура. Лунный свет сквозь неё проходит, дрожит маревом. Длинные волосы мокрые, сосульками висят, платье белое, саваном прилипло к телу. Стоит нагнувшись, тонкие руки тянет к земле. И не рвет она цветы, не ломает — собирает. Аккуратно так, бережно, прижимает букетик к груди, гладит лепестки, будто дитя баюкает. А потом выпрямляется, поворачивается лицом прямо туда, где мужики прячутся.

Увидели они её глаза. Говорят, мертвые глаза пустыми бывают. Ничего подобного. У этой были глаза полные такой нечеловеческой тоски и укоризны, что сердце в ледяной комок

сжалось. Она смотрела не на них, а сквозь них, куда-то вдаль, поверх Двуречек, туда, где река течет. Но взгляд этот был тяжелее камня.

Первым не выдержало сердце у кузнеца Прохора. Он только охнуть успел глухо, схватился за грудь и повалился навзничь, ударившись затылком о замшелый гранит старого памятника. Игнат хотел было крикнуть, позвать на помощь, но горло перехватило спазмом. Он смотрел на призрак, который медленно растаял в лунном свете, оставив после себя лишь запах речной тины и увядших болотных лилий.

Смерть с отсрочкой, или Как Таня познакомилась с Наполеоном

Многие думают, что вампиры — это существа ночи, порождение тьмы и готической тоски. Это всё ерунда.

Настоящий вампир — это прежде всего хозяйственная натура. Вот наша Таня. У неё в Двуречках деревянный дом, погреб с соленьями и чёткий график выпаса своей козы.

И когда зимой 1812 года к её забору вышли французы, она не испугалась. Она расстроилась.

Во-первых, они были грязные. Просто кошмар какой-то. От них пахло мокрым сукном, порохом и поражением. Во-вторых, они галдели на своём птичьем языке так громко, что у Тани начиналась мигрень, а от мигрени у неё всегда обострялось желание кого-нибудь укусить за ляжку.

Таня вышла на крыльцо в валенках и пуховом платке. В руках она держала ухват — чисто для самообороны, если кто из незваных гостей покусится на её кадушку с квашеной капустой.

— Господа! — крикнула она басом (от простуды). — Вы заблудились? Москва в другой стороне. Там тепло, пожар и грабёж. А у нас тут Двуречки. Спокойствие и палисадник.

Французы, заросшие щетиной до самых глаз, уставились на неё как на чудо-юдо. Видимо, в их представлении русская деревня выглядела иначе: медведи на цепях, балалайки и девицы в кокошниках размером с колесо телеги.

А тут стоит тётка в платке, хмурая, как налоговая проверка, и машет кухонной утварью.

Вперед вышел офицер. Судя по золотым эполетам и надменному виду, он был тут самый главный.

— Мадемуазель! — воскликнул он, пытаясь изобразить куртуазность, хотя зубы у него стучали от холода. — Мы армия императора! Нам нужен провиант и фураж!

Таня прищурилась. Провиант — это еда. Фураж — это корм для лошадей. То есть эти оборванцы пришли жрать.

— А платить чем будете? — строго спросила Таня, упирая руки в боки. — У меня тут не благотворительный фонд. Или рублями гони, или вон с моего участка!

Офицер опешил от такой наглости. Он привык, что русские крестьяне разбегаются при виде штыков, а эта стоит монолитом, как Родина-мать, только поменьше ростом и с ухватом.

— Да как ты смеешь?! — возмутился он, переходя на французский. — Я прикажу... я...

Договорить он не успел. Из-за спины офицера выкатили пушку. Маленькую такую, полевою. Видно было, что тащили её через сугробы из последних сил.

— Ого, — уважительно сказала Таня. — Артиллерия подъехала. Ну давайте, стреляйте. Только учтите, у меня капуста бродит. Если попадёте в бочку, вся округа взорвётся к чёртовой матери. Вам же хуже будет.

Французский канонир, синий от мороза, посмотрел на пушку, потом на Таню, потом снова на пушку. Ему очень хотелось домой, в Прованс, где тепло и нет русских баб с ухватами.

Он махнул рукой:

— Tirez! (Огонь!)

Грохнуло так, что с крыши Таниного дома посыпался снег. Ядро, маленькое чугунное ядро, со свистом пролетело мимо крыльца, снесло скворечник и ушло в сторону леса, откуда раздался звук падения чего-то большого и матерящегося по-русски.

Таня даже бровью не повела.

— Мазила, — констатировала она. — Руки бы тебе оторвать и в задницу вставить. Стрелять не умеешь, а туда же — завоеватель.

Это было оскорбление национального достоинства Великой Армии.

Французы обиделись. Канонир решил реабилитироваться. Он лихорадочно перезарядил орудие, засыпал пороха от души, утрамбовал ядро банником и навёл ствол прямо на крыльцо.

— En feu! (Пли!)

Второе ядро летело точнее.

Оно угодило точно в грудь стоящей на крыльце Тане. Раздался глухой удар, похожий на тот, с которым падает на пол мешок с картошкой.

Таню отбросило назад, она пробила спиной дверь сеней и затихла посреди горницы. В груди у неё зияла дыра размером с кулак, из которой сыпалась труха и почему-то старые театральные программки.

Наступила тишина. Французы ждали, что сейчас произойдёт что-то страшное. Что изба взлетит на воздух или вылетит огненный демон.

Вместо этого из окна высунулась рука, нашарила на столе недопитый стакан клюквенного морса, и голос Тани прохрипел изнутри:

— Ну всё. Достали. Я вызываю местного старосту. Он вас всех на учёт поставит и штраф выпишет за нарушение тишины после одиннадцати.

Французы решили не связываться. Психическая атака удалась лишь наполовину. Они развернули пушку и побрели дальше, искать славу и замерзшую водку.

А Таня осталась лежать. К вечеру она поняла две вещи: во-первых, ей холодно; во-вторых, дышать совершенно не обязательно, но дырка в груди эстетически неприятна.

Пришлось звать соседку Антоновну. Та пришла, посмотрела на «убитую» ядром подругу, сплюнула семечки и сказала:

— Эк тебя разнесло. Ладно, помогу. Но чтоб завтра вернула мне лопату, я картошку сажать буду.

Похороны устроили торжественные, по высшему разряду. Соседи принесли кто что мог: кто кутю, кто блины, кто самогон для дезинфекции атмосферы. Гроб сколотили крепкий, дубовый, чтобы Таня там не ёрзала и соседей снизу не беспокоила.

Закопали её на местном кладбище, под старой берёзой. Крест ставить не стали — Таня попросила табличку: «Здесь лежит Таня. Не кантовать. При пожаре выносить первой».

Через три дня, когда земля на холмике осела, Таня, лежа в гробу, решила впредь дипломатические вопросы решать исключительно гипнозом. Потому что артиллерия — это, конечно, аргумент, но очень уж шумный и непредсказуемый.

Сон у нее был долгий и спокойный, как смерть.

Домовой

В одном старом деревянном доме на окраине города жил домовой. Был он невидим для взрослых, но дети иногда замечали краем глаза промелькнувшую тень или слышали тихий скрип половиц там, где никто не ходил. Звали его «Не знаю». Такое странное имя досталось ему от самого первого хозяина дома — деда Егора.

Когда-то давно дед Егор, проснувшись среди ночи от холода, увидел у печки маленького мохнатого человечка с добрыми глазами. Дед спросил: «Ты кто будешь?», а тот смущённо почесал за ухом и ответил тоненьким голоском: «Да я и сам... не знаю». Так и повелось. С тех пор все в семье так к нему и обращались: «Эй, Не знаю!».

Домовой был настоящим хранителем очага. Он никогда ничего не ломал назло и не пугал понапрасну. Его сила была в доброте и предчувствии беды.

Однажды поздней осенью хозяйка, Мария Петровна, поставила на плиту кастрюлю с молоком и отвлеклась на плач младшего внука. Она совсем забыла о кипящем молоке. Домовой тут же почувствовал неладное. Он не мог просто сдуть пламя или выключить газ, поэтому сделал то, что умел лучше всего — подсказал. В пустой кухне раздался отчётливый стук: тук-тук-тук. Мария вздрогнула, обернулась и увидела, как крышка кастрюли мелко подрагивает. Этот звук мгновенно вернул ей память. Женщина бросилась к плите, сняла кастрюлю за секунду до того, как молоко грозило залить огонь. Улыбнувшись, она прошептала в пустоту: — Спасибо тебе, Не знаю!

В другой раз зимой, посреди лютой метели, старый кот Барсик решил погулять и выскользнул в приоткрытую дверь. Хозяева спохватились только утром. Весь день они искали любимца, звали во дворе, заглядывали в сараи. К вечеру надежда почти угасла. Но домовой видел всё. Ночью он тихо пробрался в комнату хозяев и начал действовать. Сначала он легонько потянул за край одеяла, словно кто-то маленький дергал его снизу. Когда отец семейства открыл глаза, он услышал тихое, настойчивое «Мяу-мяу», которое шло вовсе не со двора, а из-под кровати. Мужчина посветил фонариком и обнаружил там продрогшего, но живого Барсика, который каким-то чудом забрался домой через щель в фундаменте и уснул в тепле.

А ещё Не знаю любил предупреждать о гостях. Если к дому подходил человек с недобрыми мыслями или плохими вестями, домовой начинал тихонько позвякивать ложками в буфете или поскрипывать дверью. Семья знала этот знак: если в доме ни с того ни с сего начинается такой шум, значит, стоит быть настороже. И часто оказывалось, что вслед за этими звуками приходили неприятные новости или незваные гости приносили ссоры.

Но чаще всего Не знаю просто заботился о порядке. Он следил, чтобы мыши не портили запасы, чтобы паутина не свисала по углам, а трубы не текли. Стоило кому-то подумать: «Эх, надо бы кран починить», как на следующий день проблема решалась сама собой — то мастер случайно мимо проходил, то сосед заходил с нужным инструментом.

Так и жил добрый домовой по имени Не знаю. Он не знал своего истинного происхождения и предназначения, но точно знал одно: его дом должен быть полной чашей, а люди в нём — счастливы и в безопасности. И пока над трубой этого старого дома вился уютный дымок, можно было быть уверенным — Не знаю на своём посту.

Ходячая нежить

Ветер пах не осенней листвой, а сырой глиной и старым железом. Он дул с востока, от реки, принося с собой запахи гнили и обещание чего-то неотвратимого. Михаил стоял у кованых ворот старого кладбища, которые никогда не запирались на замок — только на ржавую цепь, символическую дань порядку.

За его спиной остался спящий город, где в окнах пятиэтажек уже загорался редкий, усталый свет. Здесь же, за оградой из почерневшего камня, царила абсолютная тьма. Луна висела над куполом маленькой, заброшенной часовни, похожая на бельмо слепого бога. Она заливала свинцовым светом ряды крестов и покосившихся памятников, превращая их в армию безмолвных часовых.

Михаил пришел сюда не по своей воле. Его привел сон. Каждую ночь вот уже неделю он видел одно и то же: земля под ногами становилась мягкой, как тесто, она начинала дышать, выпуская из своих пор влажный пар. И из этого пара, разрывая дерн узловатыми пальцами, лезли они. Не мертвецы в классическом понимании — нет, это была сама земля, обретшая форму. Глина, принявшая очертания человеческих фигур, но лишенная лиц, лишь черные провалы там, где должны быть глаза. Они тянули к нему руки, и шёпот, идущий из-под корней травы, звал его по имени.

Он хотел доказать себе, что это просто кошмар. Что старое кладбище — это всего лишь заросший парк с камнями. Но воздух здесь был плотным, осязаемым. Он давил на плечи, заставляя сутулиться.

Михаил сделал шаг внутрь. Под ногой хрустнула ветка, но звук получился глухим, словно сломалась кость. Он пошел по центральной аллее, мимо склепа купца Елисеева, чья мраморная крыша давно обвалилась. Вдруг он замер. Ему показалось, или земля впереди действительно шевельнулась?

Нет, не показалось.

В нескольких метрах от него, у подножия покосившегося деревянного креста, дерн вспучился. Сначала появился бугорок, потом он лопнул с тихим, чавкающим звуком, будто кто-то выдернул пробку из бутылки с густым вином. Из образовавшейся воронки показалась рука. Это была не человеческая кожа, а сырая, жирная почва, сквозь которую проступали корни и мелкие камни. Пальцы, похожие на жирных червей, слепо зашарили по воздуху, ища опору.

Следом за рукой из могилы начала подниматься фигура. У неё не было лица — лишь ком влажной земли, с которого стекала мутная вода. Существо выпрямилось во весь рост, и лунный свет прошел сквозь его тело, высветив внутри переплетение древесных корней и белесые нити грибницы. Оно медленно повернуло свою пустую голову в сторону Михаила.

Шёпот стал громче. Теперь он шел со всех сторон. Справа, слева, позади... Земля дышала всё чаще. По всему кладбищу, словно грибы после дождя, вырастали эти глиняные истуканы. Они вылезали беззвучно, стряхивая с себя прошлогодние листья и комья грязи. Их были десятки. Сотни. Армия самой ночи, поднятая не колдовством, а древним, первобытным голодом.

Миша попятился, чувствуя, как ледяной ужас сковывает горло. Одно из существ сделало неуверенный шаг к нему. За ним другое. Третье. Они двигались неестественно, рывками, словно марионетки, которыми управляет неумелый кукловод. Их движения ломали тишину скрипами и сухим треском суставов.

— Нет... — прошептал Михаил, но ветер тут же сорвал слово с его губ и унес прочь.

Существа окружали его, смыкая кольцо. Он видел их теперь совсем близко. Видел, как в их телах копошатся личинки, как с них осыпается труха. От них исходил не смрад разложения, а тяжелый дух сырой, только что перевернутой плугом пашни — запах начала и конца одновременно.

Одно из созданий протянуло руку и коснулось его плеча. Прикосновение было холодным и тяжелым, как мокрая глина. Миша зажмурился, ожидая боли, удара, конца. Но ничего не произошло. Он открыл глаза. Вся армия ночи стояла вокруг него неподвижным хороводом. Они не нападали. Они смотрели своими пустыми глазницами и Ждали.

Внезапно Миша понял. Они ждали не его смерти. Они ждали, когда он присоединится к ним. Когда его дыхание станет частью общего подземного ветра, а его плоть смешается с этой жирной землей, чтобы следующей ночью выйти наружу вместе с ними.

Он почувствовал, как ноги становятся ватными. Холод полз вверх по позвоночнику, добрался до сердца и остановил его. Последнее, что он увидел перед тем, как упасть лицом в грязь, была луна-бельмо, равнодушно глядящая на новый урожай.

А через минуту земля на свежей могиле Миши едва заметно дрогнула. Из неё полез первый, самый нетерпеливый корень.

А Таня все спала в гробу. И проснуться просто не было сил.

Рок-н-ролл мёртв, а я ещё нет

1991 год в деревне Двуречки выдался на редкость беспокойным. В стране творилась какая-то чехарда с названиями, Горбачёв постоянно куда-то уходил, а по телевизору вместо программы «Время» начали показывать странных людей в кожаных штанах, которые трясли хаерами и кричали «хэви металл».

Таня, наша вампирша, к тому времени уже почти лет сто восемьдесят как не вылезала из могилы.

Лежала она себе спокойно под старой берёзой, слушала, как корнирастают в землю, и видела сны про то, как правильно квасить капусту. Жизнь (или не-жизнь) была размеренной и скучной. Даже козел Борька, приходивший иногда попасться на кладбище, не вносил особого разнообразия.

Но однажды ночью покой был нарушен.

Сначала Таня слышала музыку. Это был не привычный деревенский репертуар в виде «Мурки» или «Ой, мороз-мороз», а какой-то адский скрежет, похожий на то, как если бы стадо котов дралось на крыше трактора «Беларусь».

— Господи, что за какофония, — подумала Таня сквозь сон, плотнее заворачиваясь в уютный земляной кокон. — Неужели в клубе дискотека до утра?

Но музыка приближалась. К ней добавился топот множества ног и запах. О, этот запах! Пахло тройным одеколоном «Саша», дешёвым портвейном «Анапа» и жжёной резиной.

— Сатанисты! — раздался громкий шёпот. — Нам сюда! На кладбище самое то!

Таня приоткрыла один глаз.

В свете полной луны она увидела группу подростков лет шестнадцати. Они были одеты в чёрные куртки из кожзаменителя, на головах у некоторых красовались козырьки от бейсболок задом наперёд.

В центре композиции стоял самый главный.

У него на шее висела перевёрнутая звезда из фольги от шоколадки «Алёнка», а в руках он держал кассетный магнитофон «Весна», из которого и лилась эта невыносимая музыка.

— Братва! — заорал главный сатанист, которого звали, кажется, Виталик. — Мы на месте! Здесь мощная энергетика! Ща будем вызывать духов!

— Виталик, холодно ж... — занял кто-то из задних рядов.

— Цыц! — оборвал его лидер. — Это вам не семечки у клуба лугать! Это — Тёмный Ритуал! Выключите свет!

Кто-то щёлкнул кнопкой магнитофона. Музыка стихла. Наступила тишина, нарушаемая лишь сопением подростков и шелестом берёзы.

— О, духи преисподней! — начал заывать Виталик, размахивая руками. — Явите нам свою силу! Мы принесли жертву!

Таня заинтересовалась. Какую такую жертву? Она чуть-чуть приподняла слой земли.

Виталик торжественно достал из-за пазухи смятую пачку сигарет «Стюардесса» и надлюмил одну.

— Вот! — провозгласил он. — Лучшая жертва! Дым в небо!

Таня почувствовала глубокое разочарование. В её время сатанисты были посolidнее. Они хотя бы курицу резали, а не табачным дымом баловались. Она уже хотела было перевернуться на другой бок и продолжить спать, но тут один из подростков решил справить малую нужду прямо на Танин холмик.

Это было последней каплей.

Земля вздыбилась.

Гробовая крышка с треском разлетелась в щепки (хорошо хоть староста не видит, а то опять штраф выпишет за порчу имущества), и из могилы показалась рука. Затем вторая.

А потом и вся Таня целиком, в своём любимом саване, который уже лет пять как вышел из моды даже у привидений.

Подростки замерли. Их глаза в темноте светились не хуже Таниной ауры.

— Здрасьте, — мрачно сказала Таня, отряхивая с плеча могильного червя (тот вежливо извинился). — Я вам не мешаю? Может, музыку потише сделаете? У меня от этого вашего металла мигрень начинается и клыки сводит.

Виталик икнул так громко, что эхо пошло гулять по всему погосту.

— Эт-т-то кто? — прошептал он, тыча в Таню дрожащим пальцем.

— Я? Я хозяйка этого участка. Участок номер семь дробь два. А вы тут топчетесь, шумите, курите... Курить вообще вредно. Особенно для таких сопляков.

Таня сделала шаг вперёд. Подростки синхронно сделали шаг назад и уперлись спиной в ограду соседней могилы.

— А ну-ка, мелочь пузатая, выключили свою шарманку и марш по домам! — скомандовала Таня командным голосом. — И чтоб я вас тут до следующего полнолуния не видела! А то укушу за... за всё сразу!

Этого сатанисты вынести уже не могли. Визжа так, что заглушили бы и тяжёлый рок, они рванули в сторону деревни, сверкая пятками и теряя по пути амулеты из фольги.

Таня посмотрела им вслед, пожала плечами и полезла обратно в могилу.

— Идиоты малолетние, — проворчала она, поправляя саван. — Никакого уважения к старшим... И жертва их — курам на смех.

Она легла поудобнее и закрыла глаза. Но сон уже не шёл. В ушах всё ещё звенел этот ужасный «хэви металл».

Таня вздохнула, и подняла с земли, потерянный сатанистами старенький кассетный плеер «Электроника». Надела наушники.

Вставила кассету с Пугачёвой.

«Миллион алых роз» — это хотя бы мелодично», — решила она и нажала Play.

Земля снова сомкнулась над ней, укрывая от суетного мира 1991 года.

Кусок вечности

В Двуречках всегда пахло прелой листвой и мокрой глиной. Запах этот, густой и тяжелый, висел над селом с тех самых пор, как здесь построили церковь из черного камня.

Но теперь, с приходом Тани, к этому аромату добавился еще один — тонкий, почти неуловимый запах озона и жженого сахара, который всегда остается в воздухе после удара молнии.

Таня приехала в Двуречки на закате. Она не приехала на машине — машины ломаются, а Таня не любила суеты.

Она просто возникла на краю села, словно соткалась из вечернего тумана. Высокая, с волосами цвета воронова крыла, которые казались живыми и шевелились сами по себе, и глазами, в которых не было ни зрачка, ни белка — лишь два провала в абсолютную, первобытную тьму.

Таню разбудили сатанисты во время своего идиотского обряда.

Гроб ее весь истлел. И вампирша решила сменить место жительства с могилы на кладбище на деревянный дом в деревне.

Она поселилась в старом доме на отшибе. Дом этот пустовал лет десять, крыша его просела, а окна напоминали пустые глазницы черепа. Но Тане не нужны были стены и крыша. Ей нужна была тишина и запах страха.

Раньше этот дом был ее в далеком 1812 году, когда пришел Наполеон.

Таня была коварной.

О, она была дьявольски, изысканно коварна. Она не охотилась на пьяниц или старух. Это было слишком просто, слишком грубо. Таня любила кое-кого кусать. Она выбирала тех, кто был полон жизни — юных девушек с румянцем на щеках и парней, чьи мышцы еще помнили тяжесть плуга. Она выбирала их по запаху надежды.

Её метод был прост и ужасен. Таня не превращалась в летучую мышь и больше не спала в гробу.

Гроб истлел.

Сатанисты разбудили Таню, и она мстила.

Всем и за всё.

Она была хозяйкой своего обмана. Она выходила на сельскую дорогу, когда луна становилась похожей на отполированную серебряную монету, и просто ждала.

В тот вечер это был Колька, тракторист. Он возвращался из города, насвистывая модную песенку из радио. В кабине его трактора пахло соляркой и дешевыми сигаретами — запахи грубые, земные.

Он увидел её у старого дуба. Она стояла спиной к дороге, обхватив себя руками, словно ей было холодно.

— Эй! — крикнул Колька, высунувшись из окна. — Подвезти? До Двуречек подбросить?

Таня медленно обернулась. Её улыбка была похожа на трещину в фарфоровой кукле.

— Я заблудилась, — сказала она голосом, который звучал как шелест сухих листьев под ногами. — Мой дом... он где-то здесь.

Колька заглушил мотор. Он был парнем добрым и отзывчивым, а Таня была красива той странной, нездешней красотой, от которой перехватывает дыхание.

— Садись, — он открыл дверь кабины. — Я как раз домой еду.

Таня скользнула на сиденье рядом с ним. От неё не пахло духами. От неё пахло кладбищенской землей и чем-то сладким, приторным.

— Как тебя зовут-то? — спросил Колька, трогаясь с места.

— Таня.

Всю дорогу до её дома они молчали. Колька украдкой поглядывал на её профиль, освещенный тусклым светом приборной панели. Её кожа казалась полупрозрачной, а под ней угадывалось движение чего-то темного и вязкого.

Она указала на покосившийся старый дом.

— Здесь.

Колька остановил трактор у калитки.

— Ну вот, доставил по адресу.

Таня повернулась к нему всем телом. В тесной кабине вдруг стало нечем дышать. Запах озона стал невыносимым.

— Ты не зайдешь? — спросила она. В её голосе не было вопроса. Это был приказ, замаскированный под просьбу.

Колька хотел отказаться. Что-то внутри него, какой-то первобытный инстинкт самосохранения, бил в набат. Но её глаза... эти два черных омута уже затягивали его. Он заглушил мотор.

Они вошли в дом. Внутри пахло пылью и тленом. Таня шла впереди, её шаги были беззвучны.

— Хочешь чаю? — спросила она из темноты коридора.

— Нет... я пойду, наверное... — голос Кольки дрогнул.

Она возникла перед ним мгновенно, преградив путь к выходу. Её лицо было в нескольких сантиметрах от его лица.

— Ты боишься меня? — прошептала она.

И тогда она сделала то, что любила больше всего на свете.

Она не стала впиваться ему в шею клыками сразу. Это было бы банально. Она начала с запястья. Легким, почти невесомым движением она взяла его руку и перевернула ладонью вверх. Её губы коснулись тонкой кожи на внутренней стороне запястья, там, где бьется голубая жилка.

Колька дернулся, но не смог пошевелиться.

Её взгляд парализовал его волю крепче любых цепей.

Укус был похож на укол тонкой ледяной иглы, за которым последовала волна невыносимого жара и блаженства. Он почувствовал, как его кровь — горячая, живая кровь — покидает тело тонкой струйкой и всасывается этими бледными губами.

Но вместе с кровью из него уходила сама жизнь: воспоминания о летнем солнце, вкус первого поцелуя, радость от новой рубашки... Всё это утекало из него в эту ненасытную тьму.

Таня пила медленно, смакуя каждый глоток его молодости и силы.

Она была коварной: она позволяла ему чувствовать всё до последней секунды — ужас от осознания своей участи и сладкую истому угасания. Когда она оторвалась от его запястья, Колька был уже пустым сосудом. Его глаза смотрели в пустоту, но видели лишь её прекрасное лицо.

Таня вытерла губы тыльной стороной ладони и оттолкнула его от себя так же небрежно, как ребенок отбрасывает надоевшую игрушку.

Тело Кольки глухо ударилось о дощатый пол.

Она подошла к окну и распахнула ставни.

В комнату ворвался ночной ветер с запахом прелой листвы Двуречек. Таня вдохнула полной грудью.

Завтра утром кто-нибудь найдет его здесь — бледного, холодного и высохшего, похожего на осенний листок.

А она... она будет ждать следующего вечера у старого дуба или у поворота к мельнице. Потому что Таня была очень терпеливой хищницей, а Двуречки были полны жизни, которую так приятно было выпить до дна одним долгим глотком вечности.

Бродница

Случилась эта история на реке Воронеж.

Ну по крайней мере, так мне рассказывали старики.

Было это в 1941 году, накануне войны.

Вода в реке была цвета старого олова, и пахла она не тиной, а озоном — предвестником грозы. Иван стоял на шатком деревянном мосту, который его дед называл «последним причалом», и смотрел вниз, на водовороты у быков-опор. Мир казался ему слишком тяжелым, как свинцовый груз, привязанный к ногам.

Он шагнул с края. Не упал — нырнул солдатиком, но река приняла удар жестче, чем он ожидал. Холод был не просто холодом; это было живое существо, древний зверь, сомкнувший челюсти на его груди. Течение подхватило Ивана, закрутило в ледяную карусель и потащило ко дну, туда, где свет растворялся в мутной мгле.

Воздух закончился мгновенно. В лёгких полыхал пожар, а перед глазами поплыли алые круги. Он уже видел лицо матери, искаженное тревогой, слышал далекий смех друзей, которые никогда не узнают, почему он выбрал этот путь. Река шептала ему колыбельную смерти: «Спи, мальчик. Стань песком, стань илом».

И вдруг хватка воды ослабла. Что-то изменилось. Его больше не волокло по дну, а мягко поддерживало. Сквозь толщу воды он увидел её.

Она не плыла, а словно текла вместе с рекой, являясь её частью. Её волосы были сплетением водорослей и лунного света, кожа бледная, почти прозрачная, а глаза... Глаза были глубокими омутами, в которых отражалось небо, которого здесь, внизу, быть не могло. Она смотрела на него без страха или жалости — лишь с тихим, природным любопытством. Это была бродница, хозяйка бродов, та, кто стережет переходы между мирами.

Её тонкие руки обвили его плечи, и Иван почувствовал, как сила возвращается в онемевшие мышцы. Она толкнула его вверх, к поверхности, прочь от вязкого дна. Последнее, что он запомнил, прежде чем вырваться на воздух, — это прикосновение её пальцев к своей щеке, холодное, как первый снег.

Его вынесло на отмель ниже по течению. Он лежал на мокром песке, кашляя и выплевывая воду, чувствуя, как жизнь болезненно возвращается в каждую клетку. А потом он услышал плеск. У самой кромки воды стояла девушка. Обычная девушка в простом льняном платье, которое прилипло к телу, обрисовывая стройный силуэт. Вода стекала с её волос ручьем.

— Ты живой? — спросила она. Голос у неё был звонкий, похожий на звук перекачивающейся гальки.

Иван смог только кивнуть. Он смотрел на неё во все глаза. Она не выглядела ни напуганной, ни удивленной тем, что вытащила из реки утопленника. Она выглядела так, будто сделала самую естественную вещь на свете — вернула заблудившуюся душу домой.

Так началось их лето. Она появлялась всегда неожиданно: сидела на поваленном дереве посреди тумана, танцевала босиком на утренней росе или просто ждала его на том самом мосту, глядя на бегущую воду. Звали её Лана.

Лана знала реку лучше любого рыбака. Она могла сказать, где спрячется самый крупный язь, просто опустив руку в воду, и предсказать дождь за час до того, как упадет первая капля. С ней мир становился ярче, звуки — чище, а запахи — насыщеннее. Иван влюбился в неё со всей страстью семнадцати лет, влюбился в эту странную тишину, которая окружала её, в её нездешний взгляд и прохладные ладони.

Но чем ближе они становились, тем отчетливее Иван понимал: она чужая. Иногда, когда она думала, что её никто не видит, она опускалась на колени у берега и разговаривала с водой на языке, которого нет среди человеческих. Однажды он заметил, что она совсем не оставляет

следов на влажном песке. А её ноги... Они никогда не мерзли, даже если она часами стояла в ледяной воде родника.

Осень пришла рано, окрасив листья в цвет ржавчины. Их последнее свидание состоялось на их месте — у излучины, где вода замедляла свой бег. Иван принес ей букет поздних астр, но она лишь грустно улыбнулась, глядя, как цветы медленно увядают в её руках.

— Тебе пора уходить, да? — спросил он, сжимая её ладонь. Но её рука выскользнула, как угорь.

— Я не могу уйти отсюда, — прошептала она, глядя на реку. — Это мой дом. Моя кровь. Мои кости сделаны из этого ила. А ты... ты другой. Ты сделан из огня и земли. Если ты останешься, река заберет тебя навсегда. Она ревнует.

— Мне всё равно! Пусть забирает! Лишь бы быть рядом с тобой!

Лана повернулась к нему, и в её глазах-безднах отразилась вся скорбь тысячелетий.

— Нет. Послушай меня. Любовь бродницы — это смерть для живого. Я спасла тебя один раз, чтобы вернуть долг судьбе. Но я не смогу спасти тебя снова. Каждый раз, когда ты будешь приходить сюда, течение будет становиться сильнее. Оно будет звать тебя. И однажды ты не сможешь устоять.

Она подошла к самой воде. Волна лизнула её ступни, и платье стало растворяться, превращаясь в струящуюся серебристую ткань самой реки.

— Прощай, Иван. Помни меня, когда пойдет дождь. Помни тепло моих рук, когда станет холодно. Я буду здесь. Всегда.

Она сделала шаг назад, и вода поглотила её. На поверхности остались лишь расходящиеся круги и последний отблеск чего-то неземного.

Зима сковала реку льдом. Иван часто приходил на тот мост. Он бросал камни в белую твердь и слушал глухой, утробный гул. Он знал, что там, глубоко внизу, спит она. Бродница, чье сердце бьется в такт с течением. Он вырос, уехал в большой город, построил дом, завел семью. Но каждый год, в день своего рождения, он возвращался к этой реке.

Он подходил к краю моста, доставал из кармана гладкий речной камень и клал его на перила. Камень был теплым от его ладони, но казался ледяным. Он смотрел на черную, непрозрачную воду и шептал одно имя:

— Лана...

И ему казалось, что откуда-то из глубины, сквозь километры холодной воды и ила, доносится едва слышный ответ — тихий всплеск или вздох самой реки, говорящий, что его услышали.

Таня и её кругосветный круиз: история о вампире и диетах

Таня, вампир с утонченным вкусом и тягой к здоровому образу жизни, решила, что пора бы ей заняться собой.

Таня — вампир. Но не из тех, что носят плащи и живут в готических замках. Таня — хозяйка крепкого деревянного дома в деревне Двуречки. У неё есть самовар, три чугунные сковородки и соседка Петровна, которая по старой дружбе снабжает её парным гемоглобином. Жизнь Тани была размеренной, как тиканье ходиков на стене, пока однажды ей в почтовый ящик не упал глянцевого буклет.

«Морской круиз „Легенды Балтики“! — гласила обложка. — Посетите места силы, замки с привидениями и шведский стол 24/7».

Таня задумалась. Деревня Двуречки прекрасна, но в ней нет шведского стола. Там есть стол Петровны, но он не шведский, а русский, дубовый и всегда завален соленьями. А тут — шведский! И море. Таня представила, как она стоит на палубе в длинном платье, ветер треплет её волосы (которые она не расчесывала лет триста), а внизу плещется вода. Романтика.

В конце концов, что может быть лучше для похудения, чем кругосветный круиз на шикарном океанском лайнере? Таня упаковала свои чемоданы, взяла с собой пару вечерних платьев и отправилась в путь, полная надежд на новые впечатления.

— Лен, ты со мной? — позвонила она подруге-вампиру.

— Таня, ты с ума сошла? — возмутилась Лена. — Там солнце! Там загар! Я буду сверкать, как диско-шар из страз!

— Там тенты есть. И ночь. И трюм.

— Ладно. Ради трюма я готова рискнуть своей бледностью.

И вот они на борту лайнера «Граф Дракула-младший». Таня стояла на палубе, вцепившись в перила так, будто это были перила её собственного крыльца в Двуречках. Вокруг суетились люди с фотоаппаратами и коктейлями.

На борту царила атмосфера беззаботности: коктейли, танцы и вечерние прогулки по палубе. Таня, обладая вампирской выносливостью, не упускала возможности насладиться всеми прелестями круиза. Она даже завела знакомство с капитаном, который, как оказалось, был настоящим ценителем вампирской эстетики.

— Таня, вы просто светитесь! — говорил он, не подозревая о её истинной природе.

— Танюх, смотри! — Лена махала рукой в сторону горизонта. — Солнце садится! Пора на охоту!

— Не могу... — прохрипела Таня. Её лицо приобрело интересный оттенок — что-то среднее между цветом сырой картошки и старой побелки.

Началась качка. Сначала лёгкая, убаюкивающая. Потом лайнер начал крениться так, что бокалы на столах сами собой исполняли лезгинку.

— Морская болезнь... — простонала Таня, сползая по стенке каюты на пол. — Я вампир! Я не пью воду! Как у меня может быть морская болезнь?!

Лена суетилась вокруг с полотенцем.

— Это всё от стресса! Ты просто не привыкла к такому сервису! Смотри, какой вид из иллюминатора!

Таня подняла мутный взгляд. В иллюминаторе была видна только серая вода и кусок неба, которые менялись местами с частотой раз в три секунды.

— Я хочу домой... В подпол... Там тихо... И не качается... — бормотала Таня.

Вечером был капитанский ужин. Дресс-код: Black Tie. Лена блистала в бархатном платье цвета ночи. Таня же напоминала саму ночь после сильного похмелья. Она сидела за столом, перед ней стояла тарелка с чем-то изысканным (креветки в каком-то соусе), но Таня к ней не притрагивалась.

— Попробуй фуагра, — советовал сосед по столику, упитанный оборотень-бизнесмен из Мурманска. — Отлично помогает при токсикозе.

— У меня не токсикоз... — простила Таня. — У меня морская болезнь... Я чувствую себя как пакет кефира в стиральной машине...

Официант подкатил тележку с десертом «Пылающий замок». Он поджёт ромовый сироп. Пламя взметнулось вверх.

Запах горелого сахара стал последней каплей.

Таню вынесло из-за стола со скоростью летучей мыши, которой дали пинка. Она неслась по коридорам лайнера, ища спасительный выход на свежий воздух или хотя бы ведро.

Ноги её заплетались о ковровин, который теперь казался живым существом, пытающимся её уронить.

Она выбежала на корму. Холодный балтийский ветер ударил в лицо. Лайнер ухнул вниз с очередной волны.

Таня перегнулась через борт.

В этот момент ей было абсолютно всё равно: увидит ли её кто-то из команды или нет.

Хоть сам капитан в белом кителе. Хоть водяной с русалками. Ей было плохо так, как не было плохо даже в тот раз, когда она случайно съела три ведра чеснока, думая, что это лук от Петровны для консервации.

Спустя вечность (и три приступа тошноты) Таня нашла в себе силы вернуться в каюту. Лена сидела на кровати и листала журнал «Вампирский глянец».

— Ну как? Полегчало? — участливо спросила подруга.

Таня рухнула на койку и закрыла глаза.

— Знаешь... Я поняла одну вещь... — прошептала она.

— Какую?

— Мой дом... В Двуречках... Он деревянный... Он стоит на сваях... Но он не качается...

Она повернулась на бок и заснула мертвецким сном человека (точнее, не-человека), пережившего сильнейший стресс. А лайнер «Граф Дракула-младший» продолжал плыть сквозь шторм, унося прочь от суровой русской реальности двух кровопийц, одна из которых навсегда зареклась покидать сушу ради шведского стола.

Однако, как это часто бывает в жизни, всё пошло не по плану. Лайнер, как будто следуя законам жанра, потерпел кораблекрушение. Таня, обладая вампирской выносливостью, выплыла на берег, но не одна. Вместе с ней на необитаемом острове оказалась Лена.

— Таня, ты такая загадочная! — с ходу заявила Лена, подмигивая. «Я просто не могу устоять перед твоими клыками!»

Таня, которая решила, что будет пить кровь лишь раз в месяц, чтобы не набирать вес, в ужасе отшатнулась.

— Лена, я не могу! Я на диете! — пыталась объяснить она.

Но Лена не унималась. Она начала строить шалаш из пальмовых листьев и украшать его цветами, создавая романтическую атмосферу.

— Ты не знаешь, что такое настоящая любовь! — восклицала Лена, пытаясь поцеловать Таню. Таня, в свою очередь, думала о том, как бы ей избежать этой ситуации.

— Лена, я же вампир! Я не могу просто так взять и влюбиться!.

На острове началась настоящая комедия положений. Лена не оставляла попыток соблазнить Таню, а та в ответ лишь пыталась сохранить свою диету и избежать приставаний.

В конце концов, Таня поняла, что на этом острове ей не только не удастся похудеть, но и придётся научиться защищаться от настойчивых ухаживаний.

И вот, в один прекрасный день, когда Лена в очередной раз пыталась поцеловать Таню, та не выдержала и сказала:

— Лена, я тебе не просто вампир, я — вампир с принципами! Если ты не прекратишь, я начну пить кровь каждый день!.

Лена испугалась и отступила.

— Хорошо, Таня, я поняла. Давай просто будем друзьями!».

С тех пор они жили на острове в мире и согласии. Таня продолжала свою диету, а Лена — свои попытки соблазнить её. Но теперь всё было в рамках приличия. И кто знает, может быть, в конце концов, Таня всё-таки откроет своё сердце для любви... или хотя бы для хорошей компании.

«SOS» от вампира, или Морская практика курсантов КМУ

На третий день идиллия закончилась.

— Лена, — сонно спросила Таня, глядя на пальму за окном их бунгало (бунгало они заняли бесхозное). — А почему пальма качается? У нас что, землетрясение?

— Это не пальма, — мрачно ответила Лена, выглядывая в окно. — Это мы. Мы на острове.

Остров был необитаем в том смысле, что на нём не было ни магазинов, ни связи, ни Демонеева с его инструкциями.

Был только песок, кокосы и один очень наглый попугай, который пытался стащить Танину заколку.

— Ну всё, — сказала Таня, когда поняла, что они одни. — Пропали мы. Сгнием тут.

— Мы не сгнием, — поправила её Лена.

Ситуация была патовая. Таня написала на песке огромными буквами: «ПОМОГИТЕ». Буквы смыло прибоем.

— Не тот формат, — вздохнула Лена. — Нужно что-то международное.

Таня взяла палку и нацарапала три заветные буквы: SOS.

— Теперь осталось ждать, — сказала она и села под пальму вязать носки из водорослей. Вязать она умела виртуозно, спицы ей когда-то подарил один граф в 1840-м году.

Ждать пришлось недолго. На горизонте появилось судно. Огромное, белое и явно не рыбацкая шаланда.

Судно называлось «Михаил Корсаков».

Таня с Леной запрыгали так, как могут прыгать только существа с хрупкими суставами и многовековым опытом сдержанности.

— Смотри! Это же круизный лайнер! Нас спасут!
Девушки ни хрена не разбирались в типах судов. Это был не лайнер, а учебное судно для курсантов.

Судно приблизилось. На борту красовалась аббревиатура: КМУ. Таня прищурилась.

— КМУ... Это что? Курсы кройки и шитья?

— Не думаю, — с сомнением протянула Лена.

С корабля спустили шлюпку. В ней сидели молодые люди в белой парадной форме. Увидев на берегу двух дам (одна в сарафане в горошек, другая с клубком водорослей), они синхронно перестали грести и открыли рты.

— Девчонки! — крикнул самый смелый курсант. — Вы как тут?!

Спасательная операция прошла блестяще. Курсанты помогли дамам подняться на борт по трапу (Таня чуть не поскользнулась на своих же клыках от волнения).

Их проводили в кают-компанию, налили чаю с печеньем (Таня вежливо отказалась) и засыпали вопросами.

Оказалось, это были курсанты Каспийского Мореходного Училища (КМУ), проходившие плавательную практику на учебном судне.

— А вы как тут оказались? — спросил старпом, поправляя фуражку.

— Туристки мы! — быстро нашлась Лена. — Экстремальный туризм! Хотели проверить себя на прочность!

Таня кивнула и для убедительности добавила:

— Да! У нас тур «Робинзон Крузо: лайт-версия». Без Пятницы и с диетическим питанием.

Капитан судна, суровый мужчина с усами как у моржа, внимательно посмотрел на Таню.

— А вы почему такая бледная? И под глазами синяки?

Таня побледнела ещё сильнее (хотя это казалось невозможным).

— Это... это я так загореть пыталась. Под луной. У меня кожа чувствительная.

Капитан хмыкнул в усы:

— Станный у вас турфирма. Ну да ладно. Мы идём курсом домой. Отвезём вас в порт.

Всю дорогу до материка курсанты развлекали дам морскими байками, а Таня с Леной слушали про швартовку и навигацию, делая вид, что им безумно интересно про «верпование» и «брашпиль».

На самом деле Таня думала только о том, как она вернётся домой и наконец-то нормально поужинает козой Дусей, которая наверняка обнаглела без хозяйского надзора.

Когда судно причалило в порту, курсанты выстроились в шеренгу и отдали честь двум странным пассажирам.

— Спасибо вам огромное! — расчувствовалась Лена. — Вы настоящие герои!

Таня же подошла к старпому и тихо сказала:

— И это... если увидите Демонеева... не говорите ему ничего. А то он меня со свету соживет за самовольную отлучку из Двуречек.

Курсанты переглянулись. Им казалось, что спасли они двух милых туристок. Но мы-то знаем правду: в тот день КМУ провело самую необычную спасательную операцию в своей истории — эвакуацию двух нежителей с необитаемого острова.

А Таня вернулась домой, поставила на плиту чайник с кровью (свою заначку) и подумала: «В следующий раз поеду в Геленджик. Там теплее... для всех».

Таня и её экзистенциальный укус

Таня — вампир. Но не тот, что из кино. У неё нет бархатного плаща, алых губ и томного взгляда. У Тани есть пуховик с катышками, который она носит уже третью зиму, и взгляд человека, который три часа стоял в очереди за сахаром, а его не завезли.

Таня живёт в селе Двуречки. Это у черта на Куличках.

Главная проблема Тани — это не солнце. Солнце Таню бесит, конечно, но не убивает. Солнце заставляет её щуриться и чувствовать себя старой черепахой, которую выкинули на асфальт. Главная проблема Тани — это найти жертву для укуса.

Раньше было проще. Вышел в лес — там крестьяне с вилами. Красота. Сейчас всё сложно. Все сидят по домам, смотрят сериалы. На улице только собачники и курьеры.

Вчера Таня вышла на охоту. Шла по двору, гипнотизировала взглядом. Смотрит — мужик на лавке сидит, семечки лузгает.

— Эй, красавчик, — хрипит Таня (у неё хронический ларингит от сухого воздуха в деревянном доме). — Подойди.

Мужик вздрогнул, поднял голову. Посмотрел на Таню. Оценил пуховик, мешки под глазами и общую усталость бытия.

— Не, мать, я пас, — сказал мужик и отвернулся. — Я на диете. И вообще, у меня ипотека, мне нервничать нельзя.

Таня опешила. Её отвергли. Это был удар ниже пояса. Она ведь даже не собиралась его убивать! Так, пару капель для поддержания статуса нежити и чтобы купить себе новые колготки без стрелки.

Она пошла в торговый центр. Там всегда много людей, пахнет фастфудом и отчаянием. Зашла в отдел сотовой связи. Там стоял консультант — бледный юноша с прыщом на лбу.

«Идеально», — подумала Таня.

Она подошла к нему вплотную, заглянула в глаза и прошептала:

— Я хочу перейти на новый тариф... «Вечность».

Юноша побледнел ещё сильнее (хотя казалось, куда уж), но не от страха.

— Женщина, вы в своём уме? У нас обед через пять минут! Я вам сейчас всё расскажу, только давайте быстрее, у меня смена заканчивается, а я ещё не успел выложить сторис с котиком!

Таня поняла: мир изменился. Теперь не она пугает людей клыками, а люди пугают её дедлайнами и дедлайнами по кредитам.

Вернулась домой голодная и злая. Зашла в интернет, чтобы заказать доставку крови (есть такой сервис для своих, с рейтингом доноров). Открыла приложение.

Висит уведомление: «Ваш заказ отменён».

«Почему?» — думает Таня.

Читает комментарий курьера: «Ворота закрыты. Во дворе злая собака Хасик Ленин, звонить не стал — у меня лапки (и низкий рейтинг)».

Таня села на кухне, включила чайник (чай она тоже пьёт, для антуража) и заплакала. Горько так, по-вампи́рски.

В этот момент в дверь позвонили.

«Неужели курьер всё-таки приехал?» — обрадовалась Таня, вытирая слёзы рукавом пуховика.

Она открыла дверь. На пороге стоял сосед Петрович с дрелью.

— Слышь, Танька! У тебя тройник есть? Мне розетку перенести надо, а то я тут полку вешаю... уже третий год вешаю.

Таня посмотрела на его пульсирующую сонную артерию. Потом посмотрела на его дрель. Потом снова на артерию.

— Заходи, Петрович, — сказала Таня и улыбнулась так широко, как только позволяла её уставшая челюсть. — У меня есть тройник. И чайник как раз вскипел.

В конце концов, если мир не хочет быть съеденным красиво, его можно просто высосать под шумок перфоратора. Это тоже своего рода искусство.

Демонеев, Сельсовет и клыки

Таня была вампиром. Но не тем гламурным существом из кино, что носит плащ и сверкает на солнце, а вполне себе приземлённой барышней из деревни Двуречки.

Жила она в добротном срубе, пахнущем смолой и сушёным чабрецом, который она заваривала от нервов.

Плащ Таня давно сдала в комиссионку — в нём было жарко топить печку, а на дискотеку в клуб она не ходила из принципа. Там играла попса, от которой у Тани начиналась мигрень и чесались клыки.

Основным источником пропитания для неё служили местные козы.

Таня была девушкой интеллигентной, с высшим образованием (когда-то, ещё при царе), поэтому пить кровь у людей считала моветоном. Козы же были не против: после визита Тани они становились только спокойнее и давали больше молока, что хозяйки списывали на чудодейственный силос.

Всё шло своим чередом до тех пор, пока в Двуречки не нагрянула проверка из района. Возглавлял комиссию сам Демонеев — глава сельсовета. Фамилия у него была говорящая: взгляд тяжёлый, как бетонная плита, а голос такой низкий, что в радиусе пяти метров начинали дребезжать стёкла и скисать молоко.

Демонеев приехал на чёрном «УАЗике», который местные тут же окрестили «катафалком». Он вышел из машины, поправил папку с документами и сурово оглядел пейзаж. Деревня замерла. Даже петух на заборе перестал кукарекать и сделал вид, что он просто декоративная садовая фигура.

Таня как раз возвращалась с вечерней дойки (в смысле, с вечерней трапезы). На ней был её любимый домашний халат в розовый мак, а на ногах — вязаные носки с оленями. Увидев начальство, она не испугалась. Она удивилась.

— Вы к кому? — вежливо поинтересовалась Таня, поправляя выбившийся локон.

Демонеев смерил её взглядом с головы до пят. Взгляд зацепился за клыки, которые Таня забыла спрятать после сытного ужина.

— Я Демонеев. Глава. Проверяю соблюдение норм противопожарной безопасности и наличие регистрации у лиц без определённого места жительства. А вы кто? Лицо незнакомое.

Таня улыбку во все тридцать два (точнее, двадцать восемь своих и четыре вставных).

— Я Таня. Временно проживаю. Дом у меня тут. Сруб.

— Вижу, что не панелька, — буркнул Демонеев. — Документы на строение имеются? И паспорт ваш где?

Таня вздохнула. Паспорт она сожгла в 1913-м году вместе с корсетом и предрассудками о роли женщины в обществе.

— Понимаете, — начала она издалека, — я существо ночное. Днём я сплю в гробу... то есть, на диване. А документы... они как-то потерялись при переезде из Трансильвании.

Демонеев нахмурился ещё сильнее. Если бы он нахмурился ещё чуть-чуть, его брови сошлись бы на затылке.

— Трансильвания — это Румыния? Вы иностранный агент?

— Я агент только козьего молока! — возмутилась Таня. — У меня справка есть от ветеринара! Козы довольны!

В этот момент из-за угла дома вышла коза Дуся. Она подошла к Тане и доверчиво ткнулась рогами ей в бок. Таня машинально почесала Дусю за ухом.

Демонеев смотрел на эту пасторальную картину и понимал: что-то здесь не так. Слишком уж румяной выглядела хозяйка для человека, который должен бояться солнечного света. И слишком покорной выглядела коза для животного, которое обычно бодает всё живое.

— А почему вы не отражаетесь? — вдруг спросил глава сельсовета, доставая из кармана маленькое зеркальце.

Таня посмотрела на своё отражение в луже у крыльца.

— Отражаюсь я прекрасно! Вот же я! Просто лужа мутная, вот вы и не видите красоты моей неземной.

Демонеев хмыкнул. Он был мужик битый, тертый жизнью и видевший всякое: от самогонного аппарата в школьном подвале до председателя колхоза, который пытался выдать списанный трактор за новый через госзакупки. Но вампириша в халате — это было что-то новенькое.

Он захлопнул папку.

— Ладно, гражданка Таня. Регистрацию оформим задним числом как «вдова репрессированного». Чтоб вопросов не было. А насчёт противопожарной... Печку когда последний раз чистили?

Таня опешила от такого поворота.

— Этой весной... кажется.

— «Кажется» не годится! — рявкнул Демонеев так, что с крыши посыпалась черепица. — Завтра пришлю к вам Колюху из пожарной части! Чтоб всё по регламенту было! И чтоб к вечеру дым из трубы шёл строго по ГОСТу!

Он развернулся на каблуках и пошёл к машине.

— А вы... это... — крикнула ему вслед Таня. — Может... чаю? С козьим молоком?

Демонеев остановился, обернулся и посмотрел на неё долгим взглядом.

— Я на работе не пью. И вообще... мне ещё в Фащевку надо заехать. Там упыри шалят, налоги не платят.

«УАЗик» взревел мотором и скрылся в облаке пыли.

Таня стояла на крыльце своего деревянного дома, смотрела вслед уезжающей комиссии и думала о том, что Двуречки — удивительное место. Здесь даже глава сельсовета — Демонеев. И он оказался не таким уж страшным, просто очень занятым человеком с низким голосом.

Она погладила Дусю и пошла ставить чайник для Колюхи из пожарной части. Всё-таки иметь дело с бюрократией — это вам не коз доить. Тут нужна выдержка стальная... или хотя бы печень чугунная.

Таня и Лена. Хроники Двуречек

Таня — вампир. Но не тот, что в кино. У неё нет клыков, она не шипит на чеснок (просто не любит запах, как и все приличные люди), а в гробу спит только потому, что там ортопедический матрас и идеальная темнота. Таня живет в Двуречках, в старом деревянном доме, который пахнет печкой, сыростью и надеждой на то, что крыша не протечет до весны.

Утро Тани начинается с того, что она просыпается в три часа дня. Это не прихоть, а суровая необходимость: солнце в наших широтах — штука коварная, особенно когда ты спишь на чердаке, где единственное окно смотрит строго на восток.

Таня натягивает плотные шторы, сваривает себе кофе в турке и садится за ноутбук. Она — фрилансер. Пишет тексты для сайтов про натяжные потолки и курсы по скорочтению.

В этот вторник Таня была не в духе. Во-первых, заказчик прислал правки с пометкой «сделать поярче», хотя текст был про расчет несущей способности балок перекрытия. Во-вторых, у соседа Петровича снова сломался трактор, и он решил завести его «с толкача», используя забор Тани в качестве упора. Забор жалобно хрустнул.

Именно в этот момент в дверь постучали. Таня вздрогнула. В Двуречках стучат только по двум поводам: либо принесли пенсию (но ей рано), либо пришли за солью (но у неё самой закончилась). Она открыла дверь.

На пороге стояла Лена.

Лена — это стихийное бедствие в человеческом обличье. Тоже вампир, но с уклоном в гламур. Она приехала из города на такси, которое ждало её за калиткой, дымя выхлопной трубой на всю улицу.

— Привет, деревня! — Лена шагнула через порог, обдав Таню облаком дорогих духов и запахом бензина. — Фу, ну и духота у тебя. Ты что, проветриваешь раз в неделю? И почему так темно? Я думала, ты тут как в склепе живешь, а у тебя просто ремонт не доделан.

Таня молча закрыла дверь. Лена уже успела снять свои лаковые ботильоны и теперь с ужасом разглядывала половики.

— Это что? Это же... это же пыль веков!

— Это шерсть кота Барсика, — меланхолично ответила Таня. — Он линяет круглый год, чтобы мне было чем заняться в свободное от работы время.

Лена прошла на кухню и брезгливо отодвинула ногой миску с водой.

— А это что за миска?

— Для Барсика.

— Я про другую миску. С чем-то красным.

Таня заглянула под стол. Там стояла трехлитровая банка с томатным соком.

— Это мой ужин.

Лена закатила глаза так сильно, что Таня испугалась, как бы они не выпали и не покатились по полу.

— Ты позоришь всё племя! Вампир должен пить кровь! Желательно из хрустального бокала! А ты пьешь... сок? Ты вообще зачем тогда кусаешься?

— Я не кусаюсь. Я просто иногда забываю выключить плойку для волос.

Лена достала из сумочки телефон последней модели и начала фотографировать интерьер.
— Слушай, это же готовый контент! «Влог: как я выжила в гостях у деревенского вампира». Подписчики будут в восторге от этого аутентичного ужаса. У тебя даже тараканы есть?
— Есть один, Петрович зовут. Он в углу за печкой живет, ипотеку выплачивает.

Лена решила спасти подругу от деревенской деградации. Она достала из чемодана платье-футляр цвета фуксии и туфли на шпильке.

— Мы идем гулять! В лес!

Таня посмотрела на свои треники с вытянутыми коленками.

— В лес? Там комары.

— Комары — это ерунда! — отмахнулась Лена. — Главное — атмосфера! Представь: ночь, луна, мы две роковые женщины... Ты должна быть секси!

Через час они стояли на опушке леса. Лена выглядела как топ-модель на сафари: платье-футляр, каблук проваливаются во мху, но осанка идеальная. Таня выглядела как дачница, которая вышла выкинуть мусор: резиновые сапоги 45-го размера (на вырост), телогрейка Петровича и шапка-ушанка с завязками под подбородком.

В лесу было темно и сыро. Где-то вдаль ухал филин или просто Петрович опять чинил трактор.

— Смотри, какая красота! — восторженно прошептала Лена, пытаясь удержать равновесие на кочке. — Природа! Дикая!

В этот момент из кустов выскочил ёжик и деловито пробежал прямо между ног Лены.

Лена взвизгнула так пронзительно, что филин подавился уханьем и замолчал.

— Что это было?!

— Это был ёжик Санёк, — спокойно сказала Таня. — Он тут главный по сбору пустых бутылок. У него бизнес-план.

Лена села прямо на мокрую траву.

— Я не могу так жить. Тут нет Wi-Fi. Тут ёжики бегают под юбку. Тут... тут пахнет грибами!

Таня присела рядом на поваленное бревно.

— Зато здесь тихо. И никто не пишет в директ: «А можно скидку 50%?». И Барсик меня любит просто так, а не за мои сторис.

Они просидели так до рассвета. Лена рассказывала городские сплетни про какого-то вампира-блогера, который купил себе клыки из циркония и теперь всем их показывает. Таня рассказывала про то, как Петрович пытался завести трактор от розетки 220 вольт через удлинитель и чуть не спалил трансформаторную будку.

Когда небо начало сереть, они пошли обратно к дому.

У калитки Лена остановилась:

— Знаешь... может, я приеду ещё? На выходные? Только ты это... купи мне резиновые сапоги моего размера? И банку крови нормальной завези из города? А то твой томатный сок — это какой-то позор для темных сил.

Таня улыбнулась во все свои абсолютно человеческие зубы:

— Договорились. Только учти, спать будешь на диване в гостиной. В гробу у меня Барсик храпит так, что штукатурка сыплется.

Они вошли в дом, закрыли дверь на засов и включили чайник. Впереди был долгий день сна под грохот трактора Петровича и тихое урчание довольного кота Барсика, который уже успел облюбовать чемодан Лены для послеобеденного отдыха.

Ссора в Двуречках, или Как Лена уехала, хлопнув дверью

Таня — вампир. Но не тот, что из кино, с томным взглядом и бархатным плащом. Таня — хозяйственная. Живет она в Двуречках, в крепком срубе, где пахнет сосной и немного — сырой землёй из подпола. В её доме есть всё, что нужно для жизни: самовар, который она топит исключительно сосновыми шишками (для атмосферы), и три чугунные сковородки разного калибра.

В эту субботу к Тане приехала подруга Лена. Лена — вампир столичный, из пригорода мегаполиса. Она привезла с собой чемодан на колесиках, маникюрный набор и полное непонимание деревенского уклада.

— Танюх, а где тут у тебя «Икея»? — спросила Лена, оглядывая сени.

— Какая «Икея», Лен? — удивилась Таня, вытирая руки о передник. — У нас тут «Пятёрочка» в соседнем селе. И то, там только консервы и хлеб. А ты чего хотела? Шведские фрикадельки?

Лена скривилась так, будто ей предложили выпить пакетированного сока вместо свежей крови.

— Я хотела купить подставку для зонтов. У меня зонтик новый, дизайнерский.

Таня посмотрела на Лену с жалостью. В Двуречках зонты были не нужны. Если начинался дождь, все просто прятались под крышей или в бане. А если гроза — это вообще праздник: можно выйти на крыльцо и пугать ворон, делая страшное лицо.

Разногласия начались за ужином. Таня накрыла стол по-деревенски щедро: квашеная капуста в бочке, соленые грузди, картошка в мундире и графинчик с томатным соком. Для себя она достала из погреба трехлитровую банку с густой жидкостью цвета венозной крови.

— Ты это будешь? — Лена брезгливо ткнула вилкой в банку.

— Ага. Своя заготовка. С соседней фермы. Экологически чистый продукт, без ГМО и антибиотиков. Я у Петровича беру, он корову по имени Зорька зовет.

Лена достала из сумочки термос.

— Я такое не пью. У меня свой рацион. Смузи из свеклы с сельдереем и каплей гемоглобина. Для поддержания статуса.

Таня вздохнула. Она не любила понты.

— Лен, ну какой статус? Мы же в деревне. Тут статус — это чтобы печка не дымила и куры неслись. А твой смузи твой сельдерей на вкус как веник в бане.

Слово за слово, разговор свернул на бытовые темы. Лена начала критиковать Танин образ жизни.

— Почему у тебя шторы такие плотные? Света совсем нет! Я не могу сделать селфи для сторис! У меня кожа на искусственном освещении выглядит как у столетнего упыря!

— Так ты и есть столетний упырь, — резонно заметила Таня, помешивая щи. — Чего тебе стесняться? И вообще, шторы плотные — это от соседей. Чтоб не пилились. Вчера Петрович через забор заглядывал, думал я тут голая хожу. А я просто переодевалась в летучую мышь для экономии места.

Лена фыркнула:

— Ты как была колхозницей, так и осталась. В наше время стыдно не иметь личного бренда. Ты даже вк не ведешь!

Таня отложила половник. В её глазах блеснул недобрый огонек.

— А зачем мне вк? Я что, котик мимимишный? Мне подписчиков лайкать некогда, у меня картошка колорадская жрет весь урожай! И вообще... Ты зачем мои валенки вчера помадой испачкала?

Лена покраснела (что для вампира технически невозможно, но она очень старалась).

— Я искала помаду! У тебя в прихожей темно, как в склепе!

— А ты бы свет включила!

— А ты бы проводку поменяла! На двести двадцать вольт! У тебя тут сто десять от силы!

Ссора достигла апогея над тазиком с малосольными огурцами.

— Всё! — Лена встала из-за стола так резко, что её дизайнерский маникюр зацепился за клеенку. — Я уезжаю! В этой дыре невозможно существовать! Здесь нет нормального кофе на кокосовом молоке! Здесь нет доставки еды!

Она схватила чемодан и поволокла его к выходу. Чемодан застрял в дверном проеме намертво.

— Помоги! — потребовала Лена.

Таня подошла, уперлась плечом в чемодан и с нечеловеческой силой дернула его на себя. Чемодан вылетел на крыльцо вместе с Леной.

— Дверь за собой закрой! — крикнула Таня вслед подруге.

Лена обернулась на пороге:

— И закрою!

Она с грохотом захлопнула калитку так, что с соседской яблони посыпались яблоки.

Таня постояла на крыльце, прислушиваясь к удаляющемуся вою сигнализации Лениной иномарки (которую она забыла выключить). Затем вернулась в дом, закрыла плотные шторы и включила телевизор. По «России 24» шел репортаж о надоях молока.

Жизнь в Двуречках возвращалась в привычное русло. Таня достала из холодильника банку с кровью коровы Зорьки, налила стакан и задумчиво произнесла в пустоту:

— Ну и ладно... Зато теперь мне больше щей достанется.

И с чувством выполненного долга принялась мыть посуду под звуки сельской тишины.

Охота на козу, или Как Таня чуть не стала вегетарианкой

Жить в деревне Двуречки и быть вампиром — это, я вам скажу, то ещё испытание для нервной системы. Никакой тебе готической романтики, мрачных замков и летучих мышей под сводами. Только комары, соседка Клавдия Петровна, которая вечно сует нос в чужие дела, и коза Дуся.

Таня, наша героиня, была девушкой тонкой душевной организации. Она давно отказалась от человеческой крови из этических соображений (да и где её взять в Двуречках, если все свои?). К тому же, после укуса у людей начиналась такая изжога и желание обсудить политику, что Таня только время теряла. Поэтому её диета состояла исключительно из парнокопытных. Козы — это стильно, экологично и, как ни крути, модно.

Проблема заключалась в методах охоты. В кино всё просто: сверкнул глазами, загипнотизировал — и жертва сама подставляет шею. В реальности же коза Дуся была существом с железобетонной психикой и полным отсутствием пиетета к нежити.

Сегодня Таня решила действовать по науке. Она надела свой лучший спортивный костюм «Adibas» (купленный на вещевом рынке в райцентре), чтобы не испачкать парадный халат с маками, и вышла на тропу войны. План был прост: подкрасться сзади, пока Дуся мирно щиплет лебеду у забора.

Таня пригнулась и, стараясь не хрустеть ветками (ветки всё равно хрустели), начала обходной манёвр. Она представляла себя хищной кошкой, пантерой... ну или хотя бы очень голодной белкой. Дуся мирно жевала. Таня уже занесла руку для решающего броска, как вдруг её правая нога провалилась в кротовую нору.

— Мэ-э-э! — издевательски сказала коза, даже не повернув головы. Она прекрасно знала этот звук. Это был звук падения Тани.

Вампирша выругалась так витиевато, что у пролетающего мимо воробья выпала веточка из клюва. Она поднялась, отряхнула колени и решила сменить тактику. Раз подкрасться не вышло, будем брать харизмой.

— Дусенька! — ласково позвала Таня. — Иди сюда, моя хорошая. У меня для тебя... соль-лизунец! С микроэлементами!

Коза медленно повернула голову. В её глазах читался вселенский скепсис и лёгкое презрение. Она прекрасно знала, что никакого лизунца у Тани нет. У Тани вообще ничего нет, кроме странных наклонностей.

— Ну и ладно! — обиделась Таня. — Я тогда пойду к Нюрке! У Нюрки коза Марта! Она глупая! Она гипнозу поддаётся!

Таня развернулась и гордо пошла к соседскому участку. Но Дуся была не просто козой. Дуся была хранительницей двуреченского спокойствия и главным конкурентом Тани в борьбе за звание «самая независимая женщина деревни». Оставлять такое хамство безнаказанным она не собиралась.

Таня услышала за спиной drobный топот копыт. Это было похоже на приближение табуна мустангов или очень злого пони.

— МЭ-Э-Э!!! — раздалось прямо над ухом.

Таня подпрыгнула на полметра вверх. В полёте она развернулась и увидела Дусю. Коза стояла в боевой стойке: голова опущена, рога наготове. Взгляд её не обещал ничего хорошего.

— Ты чего? — пискнула Таня.

Дуся не ответила словами. Она просто сделала молниеносный выпад рогами в сторону филейной части вампирши. Таня взвизгнула совсем не по-вампирски и рванула через огороды к своему дому. За ней с победным блеянием неслась мстительная коза.

Забежав на крыльцо и захлопнув дверь перед мокрым носом Дуси, Таня сползла по стене на пол.

— Чтоб тебя... — выдохнула она.

В этот момент она поняла страшную вещь: охота не удалась. Она осталась голодной, униженной и с синяком на мягком месте. А Дуся... Дуся спокойно вернулась к забору и продолжила жевать лебеду с видом абсолютного триумфатора.

Таня встала, подошла к холодильнику и достала пакет томатного сока.

— Ну и ладно, — пробормотала она, наливая сок в бокал. — Буду вегетарианкой. Всё равно от этих коз одни нервы... И гемоглобин у них паршивый.

Она включила телевизор, где шёл сериал про любовь доярки и комбайнёра, и решила завтра написать жалобу в сельсовет на агрессивное поведение сельскохозяйственных животных. Но в глубине души она знала: завтра она снова выйдет на охоту. Потому что быть вампиром — это диагноз. А быть вампиром в Двуречках — это уже судьба.

Кровная месть, или Как Таня пыталась поужинать Клавдией Петровной

В деревне Двуречки, где интернет ловит только если залезть на берёзу, а главным событием недели считается приезд автолавки, вампиру Тане жилось непросто. Деревянный дом скрипел, как старый ревматик, козы были хитрее Макиавелли, а соседка Клавдия Петровна... О, Клавдия Петровна была венцом творения и главным испытанием для клыков.

Таня уже неделю сидела на строгой диете. Коза Дуся, наученная горьким опытом, теперь паслась исключительно в бронежилете (Таня подозревала, что это старый ватник мужа Клавдии Петровны). В холодильнике одиноко скучал пакет томатного сока «Синьор Помидор», который Таня купила по ошибке, приняв за «Кровавую Мэри» в темной бутылке. Голод делал Таниным клыкам больно. Они ныли, как зубы перед дождём.

И вот, в один из таких тоскливых вечеров, когда луна была похожа на недожаренный блин, Таня услышала его. Звук. Тот самый звук, от которого у любого уважающего себя вампира начинается непроизвольное слюноотделение.

Это был храп.

Густой, мощный, с переливами и присвистом на высоких нотах. Он доносился из-за забора. Это была Клавдия Петровна. Она спала в саду в гамаке, накрывшись старым ковром с изображением трёх богатырей. Богатыри, судя по их позам, тоже пытались спастись от этого акустического террора.

Таня прижалась к забору. «Это судьба», — подумала она. «Клавдия Петровна сама пришла ко мне на ужин. Или я к ней. Неважно».

План был идеален в своей простоте. Таня — существо ночное, бесшумное. Она перелетит через забор (ну, или перелезет, крыльев у неё не было), применит свой фирменный гипноз — взгляд глаза в глаза — и дело в шляпе. Ну, или в ковре.

Таня сконцентрировалась. Она представила, как её глаза наливаются рубиновым светом, как она смотрит в душу жертве... Но тут возникла проблема. Чтобы применить гипноз, нужно увидеть глаза жертвы. А глаза Клавдии Петровны были надёжно спрятаны под веками размером с почтовый конверт.

Таня подкралась ближе. Храп сотрясал яблони. С ветки упал недозревший белый налив. — Хрррр-пшшш-хрррр, — выводила соседка.

Таня присела на корточки перед гамаком. Она помахала рукой перед лицом спящей. — Эй... Просыпайтесь... У меня к вам дело... Коммунальное...

Ноль реакции. Только богатыри на ковре синхронно дернулись.

Таня решилась на радикальные меры. Она легонько ткнула Клавдию Петровну пальцем в бок.

— Мммм? — промычала соседка во сне и перевернулась на другой бок.

Таня вздохнула. Гипноз не работал. Физический контакт тоже. Оставался последний козырь — обаяние.

— Клавдия Петровна! — прошептала она самым нежным голосом, на который была способна (голос был похож на скрип несмазанной калитки). — Я тут подумала... Может, вы мне одолжите ваш секатор? Мой совсем затупился...

В ответ раздался такой утробный рык, что Таня отшатнулась и чуть не упала в малинник. Это был не просто храп. Это был боевой клич проснувшегося мамонта.

Клавдия Петровна приоткрыла один глаз. Глаз был мутный и не выражал ничего, кроме вселенской усталости от жизни в Двуречках.

— Ты чего тут шарисься? — хрипло спросила она, не меняя горизонтального положения.

— Я... это... — Таня растерялась. — Я мимо шла! В булочную!

— В три часа ночи? Булочная закрыта! Иди отсюда, пока я мужа не позвала! Он у меня бывший десантник!

Таня поняла: битва проиграна. Перед ней был противник, чья броня из сна и природной вредности была непробиваема даже для вампирских клыков. Это было фиаско.

Она молча развернулась и пошла к своему крыльцу.

— И калитку за собой закрой! — донеслось из гамака вместе с новой волной храпа.

Дома Таня открыла холодильник, посмотрела на пакет томатного сока и с ненавистью швырнула его в стену.

— Чтоб ты провалилась, Петровна! — крикнула она в пустоту дома. — Ты не женщина! Ты — биологическое оружие!

Она села за стол и включила ноутбук (от генератора). В поисковике она вбила: «Как стать вампиром-веганом». Первый же сайт выдал рецепт свекольного смузи с сельдереем.

Таня закрыла ноутбук.

— Нет, — сказала она сама себе вслух. — Я лучше буду голодать. Или пойду охотиться на Демонеева. У него хотя бы совесть есть... наверное.

За окном раздался финальный аккорд храпа, и деревня Двуречки снова погрузилась в звенящую тишину, которую нарушал лишь стук Таниных зубов — то ли от холода, то ли от голода, то ли от нервного тика.

Вампир Таня и её вечная депрессия

Таня — вампир. Но не тот, что в кино: с плащом, клыками и страстью к готическим замкам. Таня — вампир современный, и у неё есть ипотека, трое детей, кот, который вечно требует новый лоток. И собака хаски по имени Хасик, с фамилией Ленин.

А ещё у неё хроническая усталость, потому что солнце она не переносит не из-за суеверий, а потому что от него у неё мигрень и аллергия.

Просыпается Таня обычно в три часа дня. В это время её муж, обычный человек, уже давно на работе, а дети — в школе. Кот смотрит на неё с укором: «Ты опять не купила нормального корма, а я вынужден есть эти ваши сосиски!». Таня вздыхает и плетётся на кухню. Там она пытается сварить себе кофе в турке, но турка вечно прилипает к плите, потому что Таня забывает её выключить.

— Вот если бы я была обычной женщиной, — бормочет она, соскребая пригоревшее месиво, — я бы просто сходила в «Пятёрочку» за растворимым. Но нет, мне надо быть вампиром с тонкой душевной организацией!

В этот момент звонит телефон. Это свекровь.

— Танечка, ты спишь? — спрашивает она с подозрительной заботой.

— Нет, мама, я уже встала! — бодро врёт Таня, глядя на часы.

— А почему у тебя голос такой? Будто ты всю ночь по кладбищам шастала?

— Я просто... пила чай с мелиссой. Успокаиваюсь перед родительским собранием.

Таня ненавидит родительские собрания. Там всегда сидят эти бодрые мамы в кроссовках и с укладкой. А Таня приходит в чёрном свитере (единственном чистом), с синяками под глазами и запахом сырой земли от вчерашней прогулки по парку.

На собрании учительница смотрит на неё с опаской:

— Татьяна... э-э... Михайловна. У вашего сына опять двойка по физкультуре.

— Понимаю, — кивает Таня. — Он весь в отца. Тот тоже не мог подтянуться ни разу. Зато мы с ним можем поднять диван одной рукой, когда ищем пульта.

После собрания Таня заходит в аптеку. Ей нужно что-то от нервов и от анемии (последнее — вечная проблема). Фармацевтша, увидев бледную женщину с красными глазами (от недосыпа), на всякий случай крестится и прячет под прилавок чеснок.

Дома Таня решает заняться бытом. Она включает пылесос на минимальную мощность (чтобы соседи не жаловались на шум) и начинает уборку. Кот прячется под диван и оттуда кричит:

— Ты же бессмертная! Убери всё магией!

— Магия кончилась на прошлой неделе, — мрачно отвечает Таня. — Я потратила её на то, чтобы убедить ЖКХ не отключать нам горячую воду за долги.

Вечером приходит муж. Он приносит пищу.

— Ты опять не ела ничего? — спрашивает он, глядя на нетронутую тарелку с брокколи.

— Я пыталась открыть банку шпрот когтем, но сломала ноготь, — жалуется Таня.

Муж обнимает её за плечи:

— Ты у меня самая лучшая. Даже если ты вампир.

Таня вздыхает:

— Если бы ты знал, как тяжело быть нежитью в мире живых... Особенно когда заканчивается льготный период по кредитке.

Муж смеётся и идёт проверять уроки детей. Таня садится на подоконник (в тени), смотрит на закат и думает: «Завтра снова вставать в три дня. И коту нужен новый лоток. И свекровь опять спросит про кладбище...».

Но потом она вспоминает, что у неё есть любимый муж, дети и даже этот вредный кот. И жизнь (или не-жизнь) уже не кажется такой беспросветной.

Таня, Хасик Ленин и вечная проблема с шерстью.

Таня — вампир. Но не тот, что из «Сумерек», а тот, что из соседнего подъезда. У неё ипотека, трое детей и собака породы хаски по имени Хасик Ленин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.